

Конь ломовой, надувшийся с насады).
Опешил брат от злости и досады,
Потом вскочил, как разъяренный лев.
Не в силах скрыть его объявший гнев.
«Ах ты, обманщик! Олух ты! Мужлан!
Ты мне еще заплатишь за обман,
За все твои притворства, ахи, охи
И за такие, как сейчас вот, вздохи».
Подсматривали слуги при дверях
И, видя, как беснуется монах,
В опочивальню мигом прибежали,
С позором брата из дому прогнали.
И он пошел, весь скрюченный от злости,
В харчевню, где уже играли в кости
С подручным служка на вчерашний сбор.
Им не хотел он открывать позор,
И, весь взъерошась, словно дикобраз,
И зубы стиснув, все сильнее ярьсь
И распалившись лютой жаждой мести,
Шаги направил в ближнее поместье;
Хозяин был его духовный сын
И той деревни лорд и господин.
Сеньор достойный со своею свитой
Сидел за трапезой, когда сердитый
Ввалился брат и, яростью горя,
Пыхтел со злости, еле говоря.
Все ж наконец: «Спаси вас бог», – сказал он.
И никогда еще не представлял он
Перед сеньором в облике таком.
«Всегда тебя приветствует мой дом, -
Сказал сеньор. – Я вижу, ты расстроен.
Что, иль разбойниками удостоен
Вниманием? Иль кем-нибудь обижен?
Садись же, отче. Вот сюда, поближе.
И, видит бог, тебе я помогу».
«Меня, монаха, божьего слугу,
Вассал твой оскорбил в деревне этой,
Безбожник он и грубиян отпетый.
Но что печалит более всего,
Чего не ждал я в жизни от него,
Седого дурня, это богомерзкой
Хулы на монастырь наш. Олух дерзкий
Осмелился обитель оскорблять».
«Учитель, ты нам должен рассказать...»
«Нет, не учитель, а служитель божий -
Хотя и степень получил я тоже
В духовной школе, не велит Писанье,
Всем гордецам и дурням в назиданье,
Чтоб званьем «рабби» нас вы называли, -
Будь то на торжище иль в пышном зале...»
«Ну, все равно, поведай нам обиду».
«Хотя я в суд с обидчиком не вниду,
Но, видит бог, такое поруганье